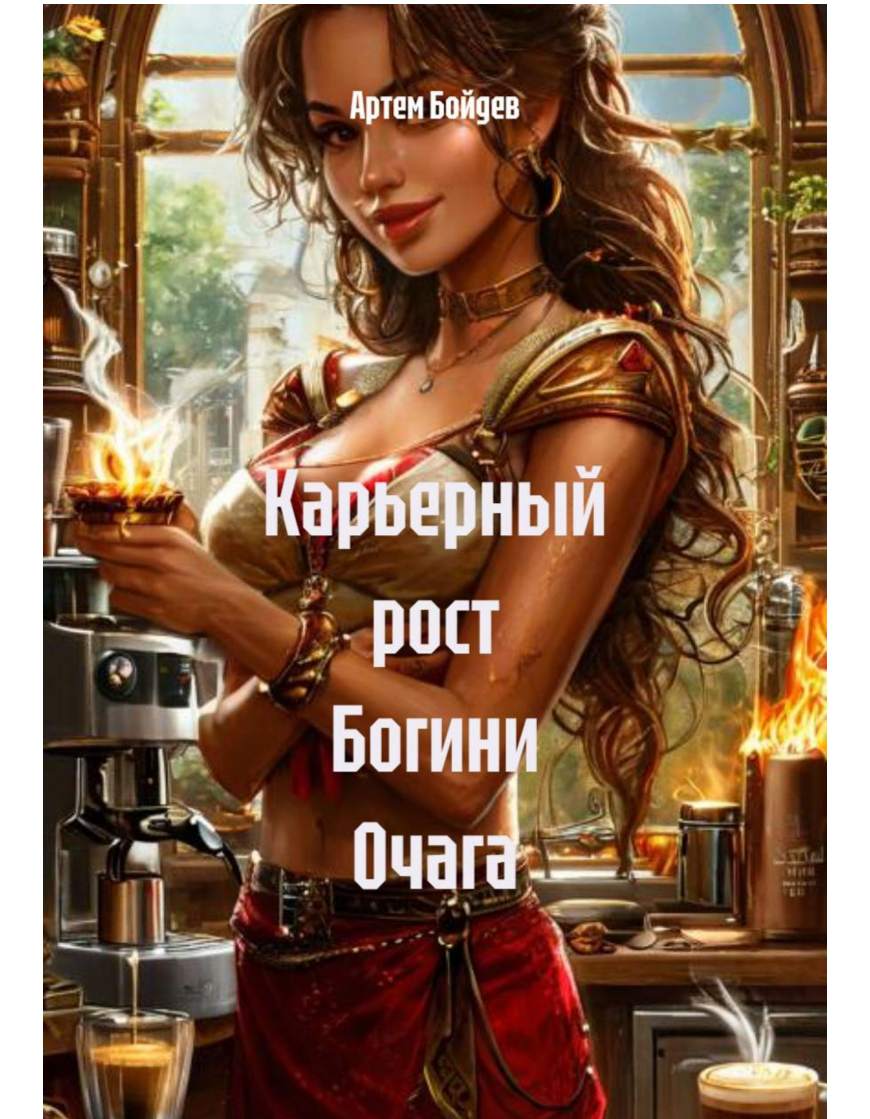

A woman with long, wavy brown hair and a confident smile is the central figure. She is wearing a gold and red top with a low neckline and a red skirt with a gold belt. She is holding a small, ornate bowl with a flame inside it. The background is a kitchen with a large window showing a view of a city. There are various kitchen appliances, including a coffee machine and a stove with a fire. The overall style is a mix of fantasy and modern kitchen aesthetics.

Артем Бойдев

**Карьерный
рост
Богини
Очага**

Артем Иванович Бойдев

Карьерный рост Богини Очага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73524663

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда у богини домашнего очага сторает карьера на Олимпе, она находит новую – в кофейне по соседству.

Только вот конкурентами оказались не люди, а старые знакомые с очень странными бизнес-идеями. Теперь её священный огонь горит в кофемашине, а главное оружие – не молнии, а кружка капучино с идеальной пенкой. Сможет ли древнее божество пережить корпоративы, налоговые проверки и нашествие других богов, которые тоже захотели «карьерного роста»?

Артем Бойдев

Карьерный рост Богини Очага

Глава 1. На Олимпе

Тишина на Олимпе была оглушительной. Не та благородная, насыщенная гармонией сфер тишина, что царила в Золотом веке, а скучная, тоскливая, прерываемая лишь монотонным гулом божественного Wi-Fi-маршрутизатора, замаскированного под золотой ларец, и доносящимися с арены дикими криками: «Да он читерит, мамочка Зевсова! У него явно варп-двигатель!» Это Арес, бог войны, в двадцатый раз за день проигрывал в какую-то стрелялку смертным подросткам, и его божественные вопли ясно давали понять, что сфера его влияния благополучно деградировала с эпических баталий в зияющие просторы интернета.

Гестия, старшая и самая незаметная из олимпийцев, сидела у своего скромного, но безупречно чистого очага и смотрела на пламя, которое она поддерживала с начала мироздания. Оно было идеальным. Ни один язычок не выбивался из общей гармонии; оно плясало в строго отведённом ему пространстве, словно отбывало пожизненную повинность в золотой тюрьме. Но в нём не было жизни. Не было того, ра-

ди чего его изначально разжигали: треска сырого полена в доме смертного, шипения лука на сковороде, густого запаха похлёбки, пересудов у огня, споров семьи за грубым деревянным столом, ссор из-за последнего куска хлеба и последующего примирения под тёплым одеялом. Олимп был роскошен, вечен и, если честно, до невозможности мёртв.

Божественный быт давно превратился в пародию. Зевс, некогда мечущий молнии в непокорных титанов, теперь с упоением скроллил ленту «Олимбука», отслеживая жизнь смертных через их «сторис». Он ставил лайки под особенно удачными селфи и в гневе слал громы и молнии (в виде гневных смайликов) под постами о политике. Его густая борода теперь часто была испачкана крошками от амброзийных чипсов.

Афина, богиня мудрости, сменила эгиду на строгий брючный костюм и консультировала стартапы из Кремниевой долины, читая им лекции о «стратегическом менеджменте по гомеровским лекалам». Аполлон, некогда водивший хороводы муз, выпустил уже пятнадцатый стриминговый альбом в жанре «неоантичный эмбиент» и сокрушался о низких гонорарах из-за пиратства. А Афродита и вовсе стала инфлюенсером, выкладывая в «Олимпограм» селфи с целующими её ноги Аресом и Гефестом по очереди, с хештегами #ЛюбовьИВойна #КогожеВыбрать. Даже Гефест, всегда пропахший дымом и металлом, теперь лишь изредка покидал свою мастерскую, чтобы «апгрейдить» золотых слуг до последней

версии прошивки.

«Я стала атавизмом, – с горькой грустью подумала Гестия, подбрасывая в огонь щепотку идеально высушенного лаврового листа просто для запаха. – Богиня очага. Хранительница домашнего уюта. В мире, где очаг – это декоративный камин из каталога ИКЕА, который никто не растапливает, а лишь расставляет вокруг него стилизованные под «этно» свечи с запахом «Дров и яблочного пирога».

Она вздохнула. Её священный огонь был таким же ненужным, как колесница в мире каршеринга.

И тут мысль пришла к ней. Не внезапно, как удар молнии самого Зевса (теперь это были всего лишь вспышки его камеры для селфи), а медленно, как растопка сырых дров. Она вызревала, наливаясь жаром, и наконец вспыхнула в глубине её божественной души, осветив всё тёплым, живым светом.

Если очаг исчез из мира людей – значит, ей нужно вернуться в этот мир. Не как пассивная наблюдательница,зирающая на них с дымного Олимпа, а как его часть. Как активная действующая сила. Ей нужно было встроиться в их систему. Занять свою нишу.

Простым смертным для этого требовалось одно – ресурс, позволяющий существовать в их обществе. Деньги. А чтобы их получить, нужно было... У Гестии перехватило дух от смелости собственной идеи.

Ей нужна была работа.

Мысль о трудоустройстве витала в олимпийском воздухе,

как заблудившаяся муза. Гестия даже представила, как заходит в зал совета богов, где Зевс вещает с трона-гамер-кресла, и заявляет: «Великий Громовержец, я, Гестия, старшая из олимпийцев, желаю покинуть наши чертоги и устроиться... бариста». От одной этой картины у неё задрожали руки. Зевс, вероятно, поперхнулся бы своим нектарным энергетиком и начал икать молниями, что создало бы серьёзную угрозу для олимпийской электросети.

«Нет, – решила она, – официальные прощания отменяются. Лучше сделать это по-тихому, по-семейному».

Она окинула взглядом свои владения. Что взять с собой в мир смертных? Золотую чашу для возлияний? Бесполезно – в моде теперь многоразовые термокружки. Оливковую ветвь? Сомнительно. Её скромный пучок сушёной полыни для очищения? Пригодится, если в офисе заведётся негативная энергетика коллеги-интригана.

Внезапно её размышления прервал знакомый щелчок и шипение. Из стены, прямо рядом с очагом, материализовался мерцающий силуэт Гермеса в кепке с поломанным козырьком и с пачкой конвертов в руке.

– Привет, тётя! – бросил он, не глядя на неё, уже разбирая почту. – Зевсу – счёт за электроэнергию, Аресу – уведомление о нарушении правил публичных высказываний в сети... А, вот! Для вас, Гестия. Официальное приглашение.

Он швырнул в её сторону пергамент, обёрнутый в целлофановый курьерский пакет. Гестия с недоумением разверну-

ла его.

«Дорогая сестра! – было выведено знакомым размашистым почерком. – Приглашаю тебя на еженедельные посиделки «Боги за чашкой нектара» в моих покоях. Будем обсуждать актуальные тренды, делиться новостями и настраивать карму. Твоя, Гера. P.S. Дресс-код: богемный шик».

Гестия сдержала вздох. «Боги за чашкой нектара» – это были самые утомительные три часа в её неделе. Гера неизменно жаловалась на новые увлечения Зевса (на прошлой неделе он увлёкся аквариумистикой и завёл золотых рыбок, назвав их в честь муз), Деметра читала лекции об органическом земледелии, а Афродита всё пыталась их всех сфотографировать для своего «Олимпограма» с парящим золотым фильтром.

Именно в этот момент её взгляд упал на принт на обратной стороне пергамента. Это была реклама. Яркая, кричащая, нарисованная смертными.

«Ищешь себя? Мечтаешь о карьере в атмосферной кофейне? – гласили зазывные буквы. – Стань бариста в «У Мельничного Руха»! Стабильный доход, дружный коллектив, карьерный рост от бариста до старшего смены! Корпоративная мифология приветствуется!»

Судьба, казалось, подмигнула ей с этого листка. Даже не судьба – какой-то мелкий божок удачи, вероятно подрабатывающий копирайтером. «Корпоративная мифология»! Это же про неё!

Решение созрело окончательно. Она посмотрела на своё пламя, на идеальный, но безрадостный очаг, на мерцающий портал Гермеса, через который доносились звуки уличного движения с земли.

– Прощай, – прошептала она своему огню. – Храни Олимп. А я пойду искать новый.

И, накинув на плечи простой шерстяной пеплос (своего рода античная версия уютного кардигана), Гестия, богиня домашнего очага, сделала первый шаг к своей новой карьере, шагнув в щель между мирами, оставив за спиной лишь лёгкий запах горячей полыни и тихий треск угасающего вечно-го пламени. Олимп этого даже не заметил.

Путешествие через пространство между мирами напомнило Гестии спуск в подземное царство Аида, только вместо Харона был лифт с рекламными наклейками, а вместо реки Стикс – бесконечные эскалаторы. Портал Гермеса выплюнул её в тускло освещённый коридор, пахнувший дезинфекцией и чужими жизнями. Где-то вдали плакал ребёнок, доносились приглушённые звуки телевизора.

«Так вот где обитают современные пенаты», – с грустью подумала Гестия, разглядывая одинаковые двери с номерами.

Её новое жилище оказалось студией в панельной высотке. Вместо атриума – совмещённая кухня-гостиная, вместо очага – пластиковая варочная панель с треснутой крышкой. Гестия провела рукой по холодной поверхности. Ни единой

искры жизни. Зато на стене висела икона современного быта – плоский телевизор, немой и равнодушный.

Она попыталась совершить обряд освящения жилища – обошла комнату с зажжённой спичкой (древние греки, конечно, не одобрили бы такой профанации, но иного источника огня под рукой не оказалось). Пламя затрепетало от сквозняка, идущего от щели в балконной двери, и бесславно погасло.

– Начинать придётся с самого начала, – вздохнула богиня.

Утро началось с войны. Войны с неизвестным ей доселе аппаратом, именуемым «кофеварка капельного типа». Устройство упорно не желало отдавать ей свой чёрный эликсир, мигая красной лампочкой и издавая звуки, похожие на предсмертный хрип. После десяти минут бесплодных попыток Гестия в отчаянии прошептала: «Во имя всех рек подземного царства, подчинись!»

Аппарат внезапно замолчал и с покорным бульканьем выдал порцию жидкости, пахнувшей горелым. Первая маленькая победа.

На улице её ждало новое испытание – общественный транспорт. Автобус, набитый до отказа, напомнил ей титаномахию, только вместо богов и титанов здесь сражались бабушки с тележками, студенты с рюкзаками и офисные работники с испорченной кармой. Гестия, прижатая к стеклу, тщетно пыталась прочесть про себя утренние молитвы. Её божественная сущность протестовала против такой близости

к стольким смертным одновременно.

Кофейня «У Мельничного Руха» оказалась небольшим помещением, залитым неестественно ярким светом. Воздух был густым от запаха кофе и человеческой усталости. За стойкой сутился молодой человек в заляпанном фартуке – Виталик, как он представился Гестии.

– Ну что, готова к адскому дню? – бросил он ей, не отрываясь от взбивания молока.

Гестия осмотрела своё новое царство. Главным алтарём была кофемашина – сложное сооружение из блестящего металла, испещрённое вентилями и рычагами. Она подошла ближе, ощущая её энергетику. Аппарат дышал паром, как уставший дракон.

– Эй, новенькая, не стой столбом! – крикнул Виталик. – Вот смотри: помол, тамперовка, экстракция. Проще пареной репы.

Он ловко проделал все манипуляции, и из машины полилась тёмная струйка. Гестия всмотрелась в неё и покачала головой. Поток был неровным, прерывистым – верный признак того, что дух кофе не умиротворён. Это было не искусство, а варварство.

Когда Виталик отошел разбирать заказ, Гестия осталась наедине с машиной. Она положила ладонь на её тёплый бок, ощущая вибрацию.

– Послушай меня, дитя огня и пара, – прошептала она. – Я Гестия. Я знаю, как сделать так, чтобы твоя сущность обрела

гармонию.

Она провела пальцем по группе, выравнивая невидимые потоки энергии. Прошептала древнее заклинание на дорическом диалекте, призывая богов качества и равномерности. Затем, следуя памяти рук, повторила движения Виталика, но с изяществом, отточенным за тысячелетия поддержания священного огня.

Когда она поставила чашку с только что приготовленным эспрессо на стойку, Виталик, бросивший взгляд на бархатистую, идеально ровную кремацию, остановился как вкопанный.

– Что это было? – прошептал он.

– Просто правильное обращение с огнём, – улыбнулась Гестия.

За дверью кофейни проносились машины, гудел город, жила своей жизнью огромная незнакомая планета. Но здесь, у стойки, пахнувшей молотым кофе, Гестия впервые за долгие века почувствовала – её огонь ещё может кому-то согреть душу.

Идеальный эспрессо Гестии продержался в состоянии божественной гармонии ровно сорок семь секунд. Этого хватило, чтобы привести Виталика в благоговейный трепет, но недостаточно для спасения от наступающего хаоса.

– Новичок! Смотри в оба! – просигналил Виталик, сгребая в охапку три подноса с заказами. – У нас тут утренний апокалипсис начинается!

Двери кофейни распахнулись, впуская внутрь первую волну посетителей. Это не было похоже на размеренное шествие верующих, приносящих дары очагу. Это был шквал. Поток людей в деловых костюмах, с растрёпанными волосами и глазами, полными предрабочего отчаяния. Они сыпали заказами как градом:

- Двойной американо с собой!
- Латте с кокосовым молоком, без пены!
- Капучино, но чтобы рисунок! Сердечко! Нет, лебедя! Нет, кота!

Гестия застыла у кофемашины, пытаясь осмыслить этот водоворот. За годы служения она научилась понимать язык пламени – его малейшие колебания, оттенки, настроение. Но язык человеческой спешки и капризов был для неё китайской грамотой. Вернее, древнегреческой, но на дорическом диалекте, который она никогда не любила.

– Эй, Медуза, отойди от стойки, ты её в камень превратишь! – крикнул кто-то из очереди.

Гестия вздрогнула. Она мысленно перебрала всех известных ей горгон. Нет, с Медузой у неё точно не было сходства. Разве что способность застывать на месте с широко раскрытыми глазами.

Виталик, проносясь мимо, сунул ей в руки глянцевого пластика стаканчик.

– Запомни алгоритм: сначала сироп, потом эспрессо, потом молоко. И крышка. Всегда крышка! Иначе эти варвары

всё прольют на свои ноутбуки!

Гестия послушно взяла стакан. Он был холодным и скользким. Таким же бездушным, как олимпийский Wi-Fi-маршрутизатор. Она посмотрела на ряд бутылок с сиропами. «Английская ириска», «Карамельный попкорн», «Миндальное печенье». Ни одного знакомого названия. Где простая медовая вода? Где виноградный сироп?

– Лавандовый раф для Алины! – донёсся крик Виталика.

Гестия подошла к паровому крану, как к священному источнику. Она попыталась вспомнить ритуал взбивания молока, но её сбивал с толку нервный визг аппарата и нетерпеливое притоптывание клиента.

Её первая попытка создать «раф» закончилась тем, что она перепутала клапаны, и струя холодного молока брызнула ей прямо на пеплос. Вторая попытка привела к появлению пены, по консистенции напоминающей пенопласт.

– Да что же это за алхимия такая? – в отчаянии прошептала она, разглядывая неудачное творение.

Внезапно её взгляд упал на небольшую группу людей, собравшуюся у дальнего столика. Они о чём-то спорили, но не злобно, а оживлённо, с улыбками. Один из них, молодой человек в очках, случайно встретился с ней взглядом и улыбнулся. Просто по-человечески.

И Гестия вдруг поняла. Это и есть новый очаг. Не пламя в золотой жаровне, не идеальный эспрессо. А это место, это столпотворение, эти спешащие уставшие, но живые люди. И

её задача – не просто готовить напитки, а поддерживать этот огонь. Давать им ту маленькую искру тепла и заботы, которая поможет пережить очередной день.

С новым чувством цели она вылила неудачный раф и уверенно взяла следующий стакан.

– Лавандовый раф для Алины! – повторила она, и её голос впервые прозвучал твёрдо. – Сейчас будет.

Возможно, она ещё не знала всех тонкостей работы бариста. Но в искусстве разжигать и поддерживать огонь у неё не было равных. Даже если этот огонь был спрятан в пластиковом стаканчике с крышкой.

Новая решимость Гестии столкнулась с суровой реальностью в лице кофемашины. Аппарат, казалось, насмехался над её божественным происхождением. Когда она попыталась воспроизвести идеальный эспрессо, получилась горькая жижа с маслянистыми пятнами на поверхности.

– Эй, бабушка, ты там заснула? – раздался из очереди нетерпеливый голос.

Гестия медленно повернулась. Её взгляд, обычно тёплый и умиротворённый, внезапно приобрёл металлический отблеск олимпийской стали. Молодой человек в спортивном костюме, позволивший себе эту реплику, невольно отступил на шаг.

– Прошу прощения, – сказала Гестия с ледяной вежливостью. – В Древней Эллане за подобное обращение к жрице очага могли лишиться права приносить жертвоприношения на

год.

В кофейне наступила тишина, нарушаемая лишь шипением пара. Виталик замер с кувшином для молока в руке, наблюдая за разворачивающимся действием.

– А теперь, – продолжила Гестия, обращаясь уже ко всей очереди, – если вы хотите получить свой напиток, прошу соблюдать очерёдность и терпение. Я только осваиваю ваши современные обычаи, но в искусстве поддержания порядка у меня трёхтысячелетний опыт.

К её удивлению, скандалист не стал спорить. Очередь замерла в почтительном молчании. Возможно, сработала божественная харизма, а может, люди просто увидели в этой необычной женщине нечто выходящее за рамки обычного.

Виталик воспользовался паузой, чтобы провести краткий ликбез.

– Смотри, – он ловко протёр группу специальной салфеткой, – вот главное правило: чистота прежде всего. Без этого никак.

Гестия с интересом наблюдала. Наконец-то что-то знакомое! Чистота священного места – это было прописано в её божественной должностной инструкции.

– Позволь мне, – сказала она, бережно принимая салфетку.

Её движения были не просто техничными – они были ритуальными. Каждое движение руки выстраивалось в плавный танец очищения. Когда она проводила тряпкой по сто-

лешнице, казалось, даже воздух становился прозрачнее. Виталик смотрел, заворожённый.

– Окей, – наконец выдохнул он, – в уборке у тебя талант. Но нам всё же нужно обслуживать клиентов.

Внезапно Гестия заметила пожилую женщину, которая неуверенно стояла у края очереди.

– Простите, дорогая, – обратилась к ней Гестия, – что бы вы хотели?

– Я не знаю... – растерянно сказала женщина. – Внучка сказала, что здесь хороший капучино, но все эти размеры, добавки...

Гестия улыбнулась. Наконец-то понятная задача – помочь заблудшей душе обрести утешение.

– Позвольте предложить вам простой капучино, – сказала она мягко. – Без сложных названий. Как в старые добрые времена.

Она снова подошла к кофемашине, но на этот раз не как к враждебному механизму, а как к помощнику. Руки сами вспомнили нужные движения – ведь, по сути, это было тем же служением, только в новых условиях.

Когда она подала чашку с нежным облаком пены, женщина взяла её с благодарностью в глазах.

– Спасибо, дочка. Чувствуется, что сделано с душой.

В этот момент Гестия поняла: возможно, она и не станет лучшим бариста по скорости. Но у неё есть нечто более ценное – умение создавать вокруг себя островки спокойствия и

гармонии в этом безумном мире.

Виталик, наблюдавший за сценой, покачал головой:

– Ладно, с пенсионерами ты справляешься. Но вот сейчас придёт наш постоянный клиент – Николай Петрович. Он разбирается в кофе лучше любого бариста. Это будет настоящее испытание.

Как по мановению жезла Гермеса, дверь кофейни пропустила внутрь человека, чья аура говорила о серьёзности намерений. Николай Петрович. Мужчина лет пятидесяти с бородой философа и взглядом знатока, способного отличить эфиопскую иргачеффе от кенийской АВ с закрытыми глазами.

– Вижу, у вас пополнение, – произнёс он, оценивающе оглядев Гестию. Его голос звучал как скрип мраморных плит в храме Аполлона.

Виталик сделал умоляющее лицо, безмолвно моля Гестию не позориться. Но богиня уже вступила в новую для себя роль.

– Чем могу служить, почтенный господин? – спросила она с лёгким наклоном головы.

– Моё обычное, – Николай Петрович достал из портфеля собственную керамическую чашку. – Но сегодня меня ждёт сложное совещание. Надеюсь на безупречное качество».

Гестия взяла чашку с благоговением, подобающим священному сосуду. Но её уверенность столкнулась с новой преградой – Николай Петрович заказал фильтр-кофе, пригото-

ленный через V60.

– Это что за новый обряд? – прошептала она, разглядывая странную стеклянную воронку.

Виталик попытался вмешаться:

– Может, я...

– Нет, – мягко, но твёрдо остановила его Гестия. – Гость должен получить то, что желает.

Она наблюдала, как Виталик демонстрирует процесс: точные пропорции, медленная круглая проливка, контроль времени. Это напомнило ей древние ритуалы возлияния – те же точные движения, то же почтение к процессу.

Когда настала её очередь, Гестия закрыла глаза на мгновение. Она представила себя не в кофейне, а в своём храме, где каждая деталь ритуала имела значение. Её руки двигались плавно и уверенно. Вода льётся ровной спиралью, кофейная гуща поднимается и опускается в идеальном танце.

Воздух наполнился сложным букетом ароматов – здесь были ноты жареного какао, спелых ягод и чего-то неуловимого, древнего, как сами олимпийские склоны.

Николай Петрович, обычно сохранявший стоическое спокойствие, поднял бровь, когда Гестия поставила перед ним чашку. На поверхности кофе образовался уникальный узор – не сердечко или тюльпан, а что-то напоминающее языки пламени.

Он сделал первый глоток. На его лице отразилась целая гамма чувств: удивление, восхищение, лёгкое недоумение.

– Интересно... – произнёс он наконец. – Вкус... завершённый. Как будто каждая нота нашла своё место. Где вы научились?

Гестия улыбнулась загадочно:

– У меня был хороший учитель – вечный огонь.

Внезапно её взгляд упал на стену за стойкой, где висело расписание смен. Там значилось: «Старший бариста», «Менеджер», «Управляющий». Иерархия. Карьерная лестница. В её олимпийском сознании что-то щёлкнуло.

– Скажите, Виталик, – обратилась она к коллеге, – что нужно, чтобы подняться в этой... системе?

Виталик смотрел на неё с новым уважением, смешанным с суеверным страхом.

– Тётъ Гестия, – медленно произнёс он, – если вы и дальше будете так работать, то через месяц будете управляющей всей сетью.

Гестия кивнула, в её глазах зажёгся знакомый огонь – тот самый, что горел в олимпийском очаге. Вызов принят. Пусть Зевс правит на Олимпе, а Афина консультирует стартапы. Она же нашла своё новое царство – и намерена подняться в нём до самых верхов.

Она посмотрела на кофемашину, и аппарат, казалось, одобрительно шипнул. Война окончена. Началось правление.

Три часа спустя кофейня ненадолго опустела, остался лишь аромат молотых зёрен и звон в ушах. Виталик, присло-

нившись к стене, закрыл глаза, наслаждаясь передышкой.

– Никогда ещё утренний апокапсис не заканчивался так быстро, – пробормотал он. – Обычно к этому времени у меня уже нервный тик начинается.

Гестия в это время совершала ритуал послевоенного очищения. Её движения были методичны и полны грации, каждая поверхность сияла, как отполированный мрамор храма. Даже трудно выводимое пятно от вишнёвого сиропа на стойке сдалось под натиском её божественного усердия.

– Слушай, ты ведь вчера говорила, что у тебя нет опыта? – Виталик скептически осматривал сверкающую кофемашину. – Так не бывает. Ты где раньше работала?

Гестия, вытирая питчер до зеркального блеска, на мгновение задумалась.

– Можно сказать, я занималась поддержанием священного огня и гармонии в... большом коллективе.

– В церкви? – оживился Виталик.

– Что-то вроде того, – уклончиво ответила Гестия, смахивая невидимую пылинку с блендера.

Её божественный слух уловил обрывки разговора за соседним столиком, где сидели две молодые женщины. Одна, с красными от слёз глазами, рассказывала подруге о проблемах с мужем.

– ...а он даже посуду за собой помыть не может! Как будто я ему прислуга!

Гестия нахмурилась. Дисгармония в семейном очаге – это

было именно её компетенцией. Недолго думая, она приготовила два капучино и, украсив пену умиротворяющими спиралями, поднесла их к столику.

– За счёт заведения, – мягко сказала она. – Иногда даже самый тлеющий огонь можно раздуть, если правильно подуть.

Девушка с красными глазами смотрела на неё с удивлением, затем на её лице появилась слабая улыбка.

– Спасибо. А вы... психолог?»

– Скорее специалист по домашним очагам, – ответила Гестия и вернулась за стойку.

Виталик смотрел на неё с растущим изумлением.

– Ты только что предотвратила возможный развод. Я такое впервые вижу.

Внезапно дверь кофейни с лёгким стуком открылась, и внутрь заглянула пожилая женщина с тележкой для покупок.

– Простите, можно тут просто посидеть? Ноги болят.

– Конечно, бабушка, присаживайтесь, – мгновенно отозвалась Гестия.

Она налила стакан прохладной воды и отнесла его женщине. Та с благодарностью кивнула, и в её глазах Гестия увидела то самое тепло, ради которого когда-то зажигались первые очаги в домах смертных.

– Знаешь, – задумчиво сказал Виталик, когда Гестия вернулась, – обычно новички либо всё роняют, либо плачут в подсобке после первого часа. А ты... Ты как будто всегда

здесь работала.

Гестия посмотрела на свои руки, которые тысячелетиями поддерживали вечное пламя. Теперь они держали сухую тряпку и питчер. И в этом не было ничего унижительного. Наоборот.

– Может быть, я просто нашла своё место, – тихо сказала она.

За окном проносились машины, спешили люди, гудел огромный город. Но здесь, в маленькой кофейне, пахло кофе и чем-то неуловимо домашним. И Гестия понимала: её очаг не угас. Он просто переместился. И теперь ему предстояло разгореться с новой силой.

Глава 2. Конкурент

Следующее утро началось с того, что Гестия обнаружила на пороге своей студии Виталика с заговорщицким выражением лица с двумя бумажными стаканчиками.

– Держи, пробуй, – он протянул один стакан. – Наш главный конкурент, сеть «КофеБук». Готовят не ахти, но маркетинг у них – огонь.

Гестия осторожно пригубила. На её лице появилась гримаса, словно она отпила из Леты.

– В этом напитке душа плачет от непотребства, – заклю-

чила она. – Овсяное молоко свернулось от отчаяния, а эспresso пахнет страхом и экономией на зёрнах.

– Ну, мы-то лучше, – похлопал её по плечу Виталик. – Но сегодня у нас инспекция, так что готовься. К нам едет региональный менеджер Артемий. Человек-циркуль, бог Excel-таблиц и враг всего святого.

В кофейне царила предгрозовая атмосфера. Бариста Юля, обычно невозмутимая, с истеричной точностью пересчитывала сиропы. Стажёр Лёша бегал со шваброй, натирая уже и без того сияющий пол.

– Что происходит? – спросила Гестия. – Мы готовимся к визиту Аида в царство мёртвых?

– Хуже, – мрачно ответила Юля. – Артемий проверяет соблюдение стандартов. Если найдёт волосинку на стене – весь персонал отправляется на дополнительное обучение. А это четыре часа лекций о том, как правильно улыбаться клиенту.

Ровно в 9:01 дверь кофейни открылась, пропустив мужчину в идеально отглаженном костюме. Артемий. Он держал в руках планшет, его взгляд был холоднее вод Стикса.

– Начинаем, – он запустил секундомер. – Стандарт приветствия – три секунды. Задержка – нарушение.

Гестия, стоя у кассы, встретила его взгляд. В её глазах читалось лёгкое недоумение. За три тысячелетия к её очагу являлись многие – герои, цари, простые смертные. Но никто не замерял время её приветствия.

– Здравствуйте, странник, – сказала она с той же нетороп-

ливой теплотой, с какой встречала гостей в своём храме. – Что привело вас к нашему очагу?

Секундомер Артемия издал жалкий писк. Прошло пять секунд.

– Нарушение, – без эмоций констатировал он. – Переходим к проверке температуры молока.

То, что последовало дальше, Гестия назвала бы «испытанием смертного унижения». Артемий измерял всё: от угла наклона стаканчиков на полке до громкости шипения пара. Когда он заставил Лёшу демонстрировать «стандартную улыбку», Гестия не выдержала.

– Позвольте, – вмешалась она. – Разве не качество напитка и комфорт гостей – главное?

Артемий медленно повернулся к ней.

– Главное – КРІ. Показатели. Эффективность. Ваша скорость обслуживания – четыре и две десятых минуты при норме три и восемь.

– Но некоторые вещи требуют времени, – не сдавалась Гестия. – Как возжигание священного... то есть приготовление хорошего кофе.

– Время – деньги, – парировал Артемий, делая пометку в планшете. – Переходим к проверке санузла.

Когда инспектор скрылся в подсобке, Виталик прошептал:

– Всё пропало. Он меняет рулон туалетной бумаги, чтобы проверить, как мы его ставим – от себя или к стене.

Гестия наблюдала за этим безумием с растущим пониманием. Перед ней был жрец нового культа – культа эффективности. И его боги были бездушны, как электронная таблица.

Внезапно её осенило. Она подошла к кофемашине и начала готовить эспрессо. Но не просто эспрессо – она вложила в него всю свою божественную тоску по гармонии, всё своё понимание уюта и тепла.

– Попробуйте, – сказала она, ставя перед Артемием крошечную чашку. – Это не для КРП. Это для души.

Артемий собирался отказаться, но что-то в аромате кофе заставило его замедлиться. Он сделал глоток. На его лице произошла странная метаморфоза – на мгновение исчезла привычная напряжённость, глаза смягчились.

– Это... не соответствует стандарту вкуса, – сказал он, но голос его потерял привычную сталь. – Слишком... многогранно.

– Иногда многогранность – это и есть стандарт, – мягко сказала Гестия.

Артемий посмотрел на неё, затем на свой планшет, снова на неё. Казалось, в его голове идёт борьба между годами дрессуры и пробудившейся человечностью.

– Ладно, – он выдохнул. – Замечания остаются. Но... я дам вам месяц на исправление.

Когда он ушёл, в кофейне воцарилась тишина.

– Ты что, над ним заклинание какое-то читала? – недоверчиво спросил Виталик. – Он обычно после проверки остав-

ляет сотрудников в состоянии клинической депрессии.

Гестия улыбнулась, вытирая стойку.

– Просто напомнила ему, что даже у самых строгих правил должен быть свой очаг. Место, где можно отогреть душу.

Юля и Лёша смотрели на неё с благоговейным страхом. Было ясно: в их коллективе зажглась новая звезда. Или, точнее, разгорелся новый очаг, способный растопить даже самое ледяное сердце менеджера.

Воздух в кофейне сгустился до состояния заварного крема. Казалось, даже кофемашина издала подавленный вздох, когда дверь за Артемием закрылась.

– Месяц! – Виталик упал на стул с выражением человека, которого только что приговорили к отработке на рудниках Аида. – Он никогда не даёт второй шанс! Это значит, что в следующий раз он нас просто уничтожит!

– Уничтожит? – Гестия с любопытством наблюдала, как Лёша зачем-то начинает пересчитывать крышки от стаканчиков. – Физически?

– Хуже! – всхлипнула Юля. – Отправит на корпоративный тимбилдинг! В прошлом году мы три дня строили плот из бамбуковых палочек для размешивания! У меня до сих пор психологическая травма!

Гестия попыталась представить Ареса и Афину, строящих плот вместе. У неё не получилось. Война вспыхнула бы раньше, чем они успели бы сказать «командообразование».

– Так, – Виталик вскочил и начал мерить шагами помеще-

ние. – План «Спасение утренней смены». Юля, ты отвечаешь за скорость. Тренируйся говорить «здравствуйтечемможно-помочь» на одном дыхании. Лёша – улыбка! Твоя улыбка сейчас выглядит как оскал цербера на входе в преисподнюю!

Лёша попытался улыбнуться. Получилось страшнее, чем лицо горгоны Медузы до того, как её превратили в чудовище.

– А я? – спросила Гестия.

– Ты... – Виталик остановился перед ней. – Ты остаёшься нашим тайным оружием. Продолжай делать этот свой кофе, от которого у людей проходят седые волосы и возвращается вера в человечество. Но, ради всех богов, делай его быстрее!

Тренировки начались немедленно. Юля, обычно флегматичная, превратилась в дирижёра симфонии спешки.

– Гестия, нет! – кричала она, когда та начинала медленный ритуальный танец с протирания питчера. – Представь, что тряпка – это голова Ареса, а ты его ненавидишь! Быстрее! Жестче!

Лёша отрабатывал улыбку перед зеркалом.

– Честно, я чувствую себя Гефестом, которого заставили улыбаться на олимпийском приеме, – пробормотал он.

– Гефест обычно улыбался, только когда изобретал новую ловушку для Афродиты и её любовников, – заметила Гестия.

Наступил самый сложный этап – работа с кассой. Гестия, привыкшая к простым жертвоприношениям (зерно, вино, периодически баран), столкнулась с современной системой оплаты.

– Нет, не так! – Виталик с отчаянием смотрел, как она пытается прикоснуться к терминалу для бесконтактной оплаты своей старой монеткой с изображением совы. – Это не жертвоприношение! Просто поднеси карту!

– Но как эта штука понимает, что жертва... то есть оплата принята? – недоумевала Гестия.

– Магия! – взмолился Виталик. – Просто поверь в магию! Кульминацией дня стало появление постоянного клиента – бабушки Зины, которая всегда заказывала «кофе как в прошлый раз, только чтобы не как в прошлый раз». Обычно это приводило персонал в ступор. Но Гестия подошла к задаче творчески.

– Дорогая, – сказала она, подавая напиток, – сегодня особенный кофе. С нотками ностальгии и лёгкой грусти по ушедшей молодости.

Бабушка Зина попробовала, и на её лице расплылась улыбка.

– Вот! Именно такой я и хотела! Наконец-то тут появился человек, который понимает!

Виталик смотрел на это со смесью восхищения и ужаса.

– Как ты это сделала? Она первый раз за три года осталась довольна!

– Я просто слушала не её слова, а её душу, – пояснила Гестия, наливая себе воды.

К концу дня кофейня напоминала поле битвы после нашествия титанов. Но это была победоносная битва.

– Знаешь, – устало сказал Виталик, запирая дверь, – может, у нас и правда есть шанс. Сегодня клиенты улыбались чаще. Даже тот парень, который всегда требует десять пакетиков сахара в эспрессо, сегодня взял только девять.

Гестия смотрела на закат через витрину. Её новый очар был странным, шумным и иногда слишком требовательным. Но он был живым. И ради этого стоило бороться даже с самым ужасным врагом – человеком с планшетом и секундомером.

– Завтра, – сказала она, – мы научим Лёшу улыбаться, не пугая клиентов. Возможно, мне придётся призвать муз для вдохновения.

Виталик только покачал головой:

– Главное, чтобы ты не призвала кого пострашнее. Нам бы с Артемием справиться.

На следующее утро Гестия обнаружила, что кофейня превратилась в нечто среднее между спартанским гимнасием и цирком. Виталик встречал сотрудников у входа с секундомером.

– Опоздание на тридцать секунд! – огласил он, когда появилась Юля. – По стандартам Артемия это смертный грех!

– Мой автобус попал в пробку из-за шествия последователей Дионисия! – оправдывалась Юля. – Они там с бубнами и виноградом...

– Не оправдываться! Качать скорость! – Виталик размахивал распечаткой КРІ как древним свитком.

Лёша в углу отработывал «идеальную улыбку» перед зеркалом. Получалось так жутко, что даже кофемашина начала издавать тревожные щелчки.

– Лёша, дорогой, – мягко вмешалась Гестия, – ты пытаешься показать все зубы сразу, как хищник. Попробуй думать о чём-то приятном.

– Я думаю о том, как после смены посплю, – пробормотал Лёша.

– Не-е-ет! – застонал Виталик. – Думай о котиках! О радуге! О премии!

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появилась пожилая женщина с огромным клетчатым мешком.

– Мне нужно срочно зарядить телефон! – объявила она. – И стакан воды. И чтобы розетка была рядом с мягким креслом. И расскажите, что у вас за кофе такой дорогой?

Виталик сделал Юле знак «займись ею», но та уже замерла в ступоре перед кассой. Гестия наблюдала, как женщина методично разгружает свой мешок: вязание, три яблока, потрепанный томик Гомера и зарядное устройство двухметровой длины.

– Прошу прощения, почтенная, – вежливо сказала Гестия, – но наши кресла не предназначены для...

– Ах, молодёжь! – всплеснула руками женщина. – Вам бы только деньги с людей брать! В древней Элладе путникам всегда предлагали кров и пищу!

Гестия подняла бровь. Возражение было настолько точ-

ным, что она на мгновение заподозрила в женщине переодетую богиню. Но нет – перед ней была обычная смертная, просто хорошо начитанная.

– Вы абсолютно правы, – поклонилась Гестия. – Как насчёт чашки нашего лучшего чая в подарок?

Пока женщина усаживалась в кресло, Виталик оттащил Гестию в сторону:

– Ты что делаешь? Она же будет сидеть тут целый день!

– Иногда гостеприимство важнее прибыли, – улыбнулась Гестия. – Кроме того, посмотри.

Женщина, устроившись поудобнее, достала телефон и начала громко диктовать голосовое сообщение:

– Дорогие друзья! Я обнаружила чудесную кофейню, где до сих пор чтят традиции гостеприимства! Обязательно посетите!

– Боги, – прошептал Виталик, – она же влиятельный блогер среди пенсионеров! У неё десять тысяч подписчиков!

Комичные ситуации сыпались одна за другой. Лёша, пытаясь совместить улыбку и скорость, выдавил из себя «здравствуйте, чем можно помочь» с таким выражением лица, что клиент отшатнулся и пролил на себя латте. Юля, отрабатывая «идеальные три секунды», начала говорить так быстро, что её пришлось переспрашивать даже клиентам с идеальным слухом.

Кульминацией дня стал визит молодого человека, который заказал «кофе с энергетиком, двойным шотом и сиро-

пом табаско».

Гестия посмотрела на него с материнской заботой:

– Дитя мое, тебе явно требуется не кофе, а хороший отвар из успокаивающих трав и восемь часов сна.

– Но у меня дедлайн! – простонал парень.

– Ни один дедлайн не стоит расстройства здоровья, – сказала Гестия и приготовила ему латте с мёдом и успокаивающими специями. – Пей. И иди домой спать.

Через час парень вернулся сияющий:

– Я послушался вас, поспал два часа и сделал всю работу!

Вы волшебница!

Виталик в этот день неоднократно закрывал лицо руками, но к вечеру его отчаяние сменилось осторожным оптимизмом.

– Знаешь, – сказал он Гестии, – может, в твоих странных методах есть смысл. Сегодня выручка выросла на пятнадцать процентов.

– Просто я помню, – улыбнулась Гестия, – что даже в самых строгих правилах должно оставаться место для человечности. И для хорошего кофе, конечно.

Когда они закрывали кофейню, Лёша наконец-то выдал что-то отдалённо напоминающее улыбку. Правда, только после того, как Гестия пообещала ему выходной.

– Завтра, – объявил Виталик, – мы будем отрабатывать одновременное приготовление трёх напитков! Гестия, готовь свои древние заклинания!

Гестия кивнула, с любовью глядя на сверкающую кофемашину. Её новый очаг требовал не только поддержания огня, но и бесконечной гибкости. Что ж, она всегда славилась умением приспосабливаться. В конце концов, она пережила и падение Трои, и появление растворимого кофе.

Наступил день Великой Битвы со Взбиванием Молока. Виталик, вооружившись учебными пособиями и жестами, напоминал Ахиллеса, готовящегося к бою.

– Итак, – он сурово смотрел на Гестию, – сегодня мы будем учиться создавать идеальную микропену. Не ту пену, что на твоих ритуальных возлияниях, а ту, что держит латте-арт!

Гестия скептически осмотрела питчер.

– В моё время достаточно было, чтобы напиток не вызывал божественного гнева.

– Времена изменились! – вздохнул Виталик. – Теперь люди платят за то, чтобы на их кофе была мордочка котика. Смотри!

Он продемонстрировал сложный манёвр с паром, издавая звуки, похожие на агонию цикады.

– Слышишь? Это звук «растягивания» молока!

Гестия прислушалась.

– Звучит как душа грешника в Тартаре.

– Неважно! Теперь твоя очередь!

Первая попытка Гестии закончилась тем, что молоко взбилось в плотную пену, напоминающую облако с Олимпа.

Красиво, но абсолютно бесполезно.

– Нет! – застонал Виталик. – Это для капучино девяностых! Сейчас нужна шелковистая текстура!

Вторая попытка привела к появлению пены, в которой можно было бы утопить мелкое божество.

– Боги мои! – схватился за голову Виталик. – Ты что, Зевса в молоко позвала?

– Я просто попросила Гефеста помочь с нагревом, – виновато призналась Гестия.

Внезапно их прервал звонок с доставки. Курьер с огромной коробкой пробирался к стойке.

– Где тут у вас... Гестия?

Все замерли. Гестия с любопытством подошла к коробке. Внутри лежала табличка с древнегреческой надписью: «Тёте Гестии – чтобы не скучала по дому. От Гермеса».

Это был...небольшой мраморный очаг. Настоящий. С высеченными харитами и всем прочим.

– Что это? – осторожно спросил Виталик.

– Мой... старый очаг, – прошептала Гестия. – Точнее, его уменьшенная копия.

– И что мы будем с ним делать?

Гестия озарённо посмотрела на угол кофейни.

– Мы сделаем его нашим талисманом!

Установка очага заняла всё обеденное время. Лёша чуть не надорвал спину, пытаясь сдвинуть мраморную глыбу. Юля тут же начала раскладывать вокруг него рекламные

проспекты как дары.

– Теперь, – объявила Гестия, зажигая в очаге электрическую свечу (нарушение правил пожарной безопасности, но богиня на то и богиня), – у нас есть настоящий центр притяжения!

Эффект не заставил себя ждать. Первый же клиент, зашедший после установки очага, заказал необычно много и оставил щедрые чаевые.

– У вас тут так... уютно, – сказал он, оглядываясь.

– Это магия бренда, – шепнул Виталик Гестии.

– Это магия домашнего очага, – поправила она.

К вечеру кофейня наполнилась до отказа. Люди подходили к очагу, грели руки о его символическое пламя, оставляли монетки «на удачу». Даже Артемий, заглянувший с внезапной проверкой, задержался у очага на целых тридцать секунд – неслыханное нарушение его собственного регламента!

– Знаешь, – сказал Виталик, когда инспектор ушёл, – может, в этом есть что-то. У нас теперь самая... мистическая кофейня в городе.

Гестия улыбалась, глядя на своё детище. Её очаг снова был с ней. И пусть вокруг него теперь стояли не жрецы, а бариста, а вместо дров горела электрическая свеча – суть оставалась прежней. Он собирал людей, дарил им тепло и уют. И ради этого стоило терпеть даже самые безумные требования современного кофейного бизнеса.

Идиллия длилась ровно три дня. На четвертый утром у

входа в «У Мельничного Руха» появился человек в костюме цвета ядовитой орхидеи. Это был Станислав, владелец соседней кофейни «КофеБук», известный своей способностью принимать бизнес-решения уровня «а давайте засыпем в кофе красный перец для остроты».

– О, какие милые... э-э-э... языческие атрибуты, – пренебрежительно фыркнул он, разглядывая очаг Гестии. – Но современному потребителю нужен драйв! Хайп! В общем, смотрите!

С этого дня началась самая абсурдная война в истории кофейного бизнеса. Станислав, вместо того чтобы улучшать качество кофе, начал внедрять идиотские маркетинговые ходы: ввел акцию «кофе с предсказанием» – бармен гадал на кофейной гуще, предсказывая клиентам «скорую встречу с рыжим человеком» и «неожиданную прибыль в размере тридцати семи рублей»; нанял аниматора в костюме кофейного зерна, который плясал у входа, пугая детей и размахивая табличкой «Здесь вас ждет экстаз!»

Объявил, что каждый сотый клиент получает «мистический опыт» – на деле это был стакан воды с блёстками.

– Он совсем спятил? – недоумевал Виталик, наблюдая, как костюмированное зерно пытается вручить листовку проходящей старушке. Та отбивалась сумкой.

– Смертные всегда стремились к зрелищам, – философски заметила Гестия, поливая герань на подоконнике. – Помню, в Афинах однажды устроили соревнование, кто громче про-

чтёт оду. Испортили весь праздник.

Идиотский маркетинг сработал. Людей заинтересовало пляшущее зерно, и часть клиентов «У Мельничного Руха» перетекла к конкуренту. Выручка упала.

– Всё пропало! – драматично вздыхал Виталик. – Он переманил наших клиентов блёстками и плохими предсказаниями!

– Не волнуйся, – успокаивала его Гестия. – Истинный очаг нельзя заменить мишурой. Дайте им время понять это.

Клиенты действительно вернулись. Через неделю. С возмущёнными отзывами.

– У вас хоть кофе вкусный, а там – бурда с блёстками! – жаловался постоянный клиент Николай Петрович. – И это зерно... Оно мне наступило на ногу!

Казалось бы, кризис миновал. Но тут Станислав совершил свой самый гениальный ход. В один прекрасный день у входа в «КофеБук» появился плакат: «Только у нас! Секретный ингредиент из древних рецептов! Божественный нектар!»

– Что это за нектар? – спросила Гестия у курьера, который забежал к ним выпить нормального кофе.

– Да он какой-то сироп дешёвый заказал, – отмахнулся курьер. – Говорит, с «нотками амброзии». Пахнет химией, хоть святых выноси.

Гестия нахмурилась. Амброзия? Настоящая амброзия? Нет, не может быть...

Но любопытство взяло верх. На следующий день она от-

просилась на обед и зашла в «КофеБук». Заказала тот самый «нектаровый» латте.

Первый же глоток вернул её на три тысячи лет назад. Это был... запах Олимпа. Тот самый, что витал в садах Гесперид. Но со странным химическим послевкусием.

– Что это? – не удержалась она, спросив у бармена.

– Фирменный сироп «Олимп», – гордо ответил тот. – Секретная рецептура.

Гестия отставила стакан. Рецептура и правда была «секретной» – кто-то явно пытался воссоздать вкус амброзии, смешав дешёвый ванильный сироп, мёд и что-то ещё... Уж не настоящую ли амброзию? Но как?

Загадка разрешилась сама собой. Через два дня кофейня Станислава была закрыта. На двери висел замок, а внутри хозяйничали сотрудники СЭС.

Оказалось, что «секретный ингредиент» – это экспериментальный сироп, который Станислав купил по дешёвке у сомнительного поставщика. Поставщик, пытаясь создать «уникальный вкус», добавил в сироп экстракт редкого растения, вызывающего... лёгкие галлюцинации.

– Понимаешь, – позже рассказывал один из пострадавших клиентов, – я пил латте, и мне почудилось, что я вижу летающих коней и слышу арфу. Потом, правда, началась изжога.

История закончилась громким скандалом, судом и полным банкротством Станислава. А «У Мельничного Руха» снова заполнилась благодарными клиентами.

– Вот так всегда, – подвела итог Гестия, поправляя пламя в своём очаге. – Хочешь прикоснуться к божественному – будь готов к последствиям. Особенно если не разбираешься в рецептах.

Виталик смотрел на неё с новым уважением.

– Ты что, знала, что так получится?

– Нет, – честно ответила Гестия. – Но я знала, что настоящий очаг нельзя построить на обмане. Даже если очень хочется блёсток и летающих коней.

С тех пор кофейня «У Мельничного Руха» стала местной достопримечательностью. А маленький мраморный очаг в углу продолжал собирать вокруг себя людей, жаждущих не хайпа, а простого человеческого тепла. И, конечно, хорошего кофе.

Глава 3. Божественный баттл и демон упаковки

Спустя месяц после краха «КофеБука» в кофейне воцарилась атмосфера благодного спокойствия. Клиенты вновь заполнили зал, Лёша наконец-то освоил улыбку, не напоминающую оскал призрака, а Юлия могла принимать заказы со скоростью Гермеса, не забывая при этом улыбаться. Казалось, ничто не могло омрачить идиллии.

Пока однажды утром Гестия не обнаружила на стойке

яркую листовку, изображавшую бодрую женщину с неестественно белыми зубами, держащую чашку кофе, от которой исходило сияние.

– «Божественный кофе от "Олимпа"? – прочла вслух Гестия. – Испытай вкус, достойный богов!»

Виталик, стоявший рядом, скомкал листовку с силой, достойной Геракла.

– Новая сеть, – прошипел он. – Открылись в двух кварталах. Говорят, у них какой-то секретный рецепт и... – он с отвращением указал на мелкий шрифт, – «божественная карта лояльности».

– Божественная? – Гестия подняла бровь. – Интересно, они предлагают амброзию за баллы или скидку на переправу через Стикс?

Новая угроза оказалась куда серьёзнее пляшущего кофейного зерна. «Олимп» был стильным, дорогим и претенциозным. Их бариста, облачённые в белоснежные туники (очень короткие), называли себя «аватарами вкуса». Меню пестрело названиями вроде «Нектар Зевса» (охлаждённый заваренный кофе с тоником) и «Амброзия Афродиты» (клубничный раф с розовой пеной).

Но главным их оружием была упаковка. Каждый напиток подавался в дизайнерском стакане с позолотой, с двумя соломинками – одна обычная, другая «золотая» (пластиковая, покрашенная), в комплекте с салфеткой с цитатами из Гомера и... маленькой статуэткой бога или богини на выбор.

– Они продают не кофе, а понты! – бушевал Виталик, разглядывая фотографию их «комбо» в соцсетях. – Смотри! «Набор Аида» – чёрный кофе с печеньем в форме черепа! Кто это пьёт?

Гестия с интересом изучала фотографию статуэтки Артемиды.

– Довольно мило, хотя сходство посредственное. У Артемиды нос был с горбинкой.

Клиенты «У Мельничного Руха», верные поклонники, начали потихоньку перебегать к конкуренту. Магия блестящей мишуры и модных названий срабатывала.

– Я просто хочу посмотреть на стаканчик! – оправдывалась одна из постоянных клиенток. – Он такой стильный в инстаграме! (Meta (владелец Facebook, Instagram и WhatsApp) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.)

Даже Николай Петрович, придя как-то раз, скептически покосился на их скромные керамические чашки.

– А у «Олимпа», говорят, чашки от какого-то японского гончара. Ручной работы.

Гестия наблюдала за этим с растущим недоумением. Сражаться с качеством кофе она была готова. Но как сражаться с золотыми соломинками?

Вдохновение пришло, как всегда, неожиданно. Лёша, пытаясь упаковать торт-морковник на вынос, устроил в подсобке апокалипсис. Крем размазался по коробке, крышка не за-

крывалась, а сам торт напоминал поле битвы с титанами.

– Всё! – крикнул Лёша в отчаянии. – Я не могу! Этот торт ненавидит меня! Он демон!

Гестия подошла, отодвинула его и внимательно посмотрела на торт. Затем на коробку. Затем на Лёшу.

– Проблема не в торте, – сказала она. – Проблема в том, что ты пытаешься его победить. А его нужно понять.

Она взяла новую коробку, аккуратно уложила торт, украсила верхушку орехами, которые нашла на полке, и сбрызнула всё мёдом. Получилось... красиво. И очень аппетитно.

– Вот видишь? – улыбнулась она поражённому Лёше. – Иногда простая забота выглядит лучше любой позолоты.

В этот момент её осенило. Она посмотрела на своих коллег: на Виталика, который знал по имени половину постоянных клиентов и помнил, что бабушке Зине нужно больше корицы; на Юлю, которая всегда спрашивала у студентов, как сессия; на Лёшу, который, несмотря на всю свою неуклюжесть, искренне старался.

И на свой маленький мраморный очаг, у которого люди оставляли не монетки, а записки с благодарностями и маленькие личные вещи – кто-то забыл перчатку, кто-то оставил книгу.

– Они предлагают «божественный» кофе, – громко сказала Гестия. – А мы предлагаем дом.

С этого дня в кофейне «У Мельничного Руха» началась тихая революция. Они не стали менять упаковку. Они стали

вкладывать в каждую чашку частичку себя.

Гестия начала вспоминать древние рецепты травяных настоев, которые готовили для уставших путников. Она добавила в меню «Настой странника» – успокаивающий чай с мёдом и травами. Виталик возродил традицию «чашки для друга» – можно было заранее оплатить кофе для того, кому он нужен, но не хватает денег. Юля научилась рисовать на пенке не только сердечки, но и маленькие символы, которые просили клиенты: котика для больной дочери, солнышко для того, у кого хандра.

Они не боролись с «Олимпом». Они просто делали своё дело. С душой.

Через три недели мода на «Олимп» прошла. Клиенты, наигравшись с золотыми соломинками и статуэтками, массово вернулись. Потому что в «У Мельничного Руха» их помнили. Их ждали. Им улыбались не по стандарту, а по-настоящему.

Однажды утром дверь кофейни открылась, и на пороге появилась та самая женщина с неестественно белыми зубами с рекламной листовки «Олимпа». Она выглядела уставшей.

– Мне просто... эспresso, – сказала она. – Без золотых соломинок. Без статуэток. Просто кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.